

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Э. М. АРНДА О 1812 ГОДЪ.

Лѣтомъ 1812 года, извѣстный Германскій поэтъ-патріотъ Эрнстъ Морицъ Арндтъ былъ вызванъ въ Петербургъ барономъ Штейномъ, въ качествѣ помощника по дѣламъ Нѣмецкаго легіона и прочимъ мѣрамъ, имѣвшимъ отношеніе къ освобожденію Германіи. Извлекаемъ изъ воспоминаній Арндта (*Erinnerungen aus dem äusseren Leben, Leipzig 1840*) рассказъ о шестимѣсячномъ пребываніи его въ Россіи. Рассказъ этотъ, несмотря на его старческую небрежность, нелишенъ живости, и въ немъ встрѣчаются интересныя черты и сужденія, дополняющія картину событій и настроеній этого знаменательнаго времени. Мы начинаемъ наше извлеченіе съ прибытія Арндта въ Броды.

...На другой день рано утромъ, прибылъ поѣздъ, къ которому я долженъ былъ присоединиться. Прибылъ онъ въ двухъ нарядныхъ экипажахъ и, повидимому, везъ съ собою и вещи, принадлежавшія Русскому послу. Состоялъ онъ изъ трехъ должностныхъ лицъ и нѣсколькихъ слугъ. Первымъ лицомъ былъ маленькій, весьма подвижной, привѣтливый и разговорчивый человѣкъ, совѣтникъ посольства, графъ Рамзей де Бальмень; вторымъ Французъ, *le marquis de Favars*, молодой изжившійся вертопрахъ; третьимъ капитанъ Русскаго флота, по рожденію Грекъ, красивый мужчина, но къ сожалѣнію, повидимому, развратникъ худшаго разряда. Этотъ послѣдній провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, при князѣ Куракинѣ. Съ этими тремя лицами пустился я въ путь черезъ нѣсколько часовъ.

Я присосѣдился къ маленькому графу и, проѣхавъ съ нимъ нѣсколь-

ко станцій, убѣдился въ томъ, что выборъ мой былъ удаченъ. Этотъ маленькій человѣчикъ въ послѣдствіи пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ одного изъ приставовъ при Наполеонѣ, на островѣ Св. Елены. Онъ былъ изъ стариннаго Шотландскаго семейства, католикъ и воспитанъ Іезуитами въ Могилевѣ, не былъ лишенъ ума и живости, а также разнообразныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній и отличался неистою, смѣшною, но весьма добродушною болтливостію. Обществомъ этого юноши, которое при бѣльшей продолжительности нашего пребыванія вдвоемъ могло бы сдѣлаться весьма тягостнымъ, я удачно воспользовался, что-бы извлечь изъ него все то, что онъ могъ передать мнѣ полезнаго. А именно я навелъ его на разговоръ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ областей Россіи, въ коихъ онъ преимущественно жилъ и вращался; и такимъ образомъ его рѣчи, часто слишкомъ обильныя, становились для меня и забавными, и поучительными. Въ немъ не было замѣтно ничего мужественнаго и воинственнаго, и по этому я не мало удивился, когда онъ объявилъ мнѣ, что у него есть братъ генераль-майоръ арміи, и что и онъ въ скоромъ времени думаетъ взяться за оружіе на защиту отечества. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль, я прочелъ въ газетахъ, что онъ производится въ полковники.

Мы поѣхали черезъ Волынь, прекрасную, богатую страну. Тутъ живутъ Червоннорусы. Эти люди показались мнѣ серьезнѣе и смысленнѣе видѣнныхъ мною до тѣхъ поръ Поляковъ; къ тому-же, по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали далѣе, поля, луга и даже жилища принимали все болѣе опрятный и лучшій видъ: мѣстами

они были почти не хуже, чѣмъ въ сѣверной Германіи. Мы видѣли лошадей прекрасной породы и тучныя пастбища, покрытыя серебристо-сѣрымъ рогатымъ скотомъ той породы, какой пригоняютъ его тысячами изъ Венгріи въ Вѣну. Тутъ-же были видны признаки обширнаго пчеловодства, встрѣчались колоды въ полтора человѣческихъ роста, выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ, встрѣчались деревья съ еще зеленою макушкою, просверленные на высотѣ десяти-пятнадцати локтей надъ землею, населенныя пчелами и запертыя дверцами и клапанами. Тамъ и сямъ подъ деревьями стояли также колья, полагаю для того, чтобы пронзать лѣзущихъ на деревья медвѣдей.

Въ Житомирѣ мы видѣли прелестное зрѣлище. Мы обѣдали въ Жидовской гостинницѣ, какъ вдругъ раздавался такой трескъ и гулъ отъ играющихъ одновременно инструментовъ, и такой говоръ людской толпы, что мы всѣ тотчасъ побѣжали къ окнамъ. И что-же мы увидѣли? Это было божественное зрѣлище: великолѣпная Жидовская свадьба или точнѣе, свадебный хороводъ. Вокругъ площади этого конечно грязноватаго города танцовало нѣсколько сотенъ Жидовъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, дѣвицъ и юношей вокругъ всей площади, вдоль самыхъ домовъ, ее окружающихъ, съ волянками и скрипками впереди, съ шумомъ и звономъ. Это былъ поистинѣ великолѣпный сумбуръ, и мы не могли на него насмотрѣться. Все блистало пышными нарядами, и тутъ поистинѣ не было недостатка въ жемчугѣ, золотѣ и серебрѣ; не было недостатка и въ красивыхъ фигурахъ. Ибо съ перваго взгляда бросается въ глаза, что въ Польшѣ, между мужчинами и

женщинами, встрѣчаются Еврейскіе типы гораздо болѣе благородные, чѣмъ въ Германіи, и что тутъ въ приемахъ и нравахъ встрѣтимъ гораздо болѣе спокойствія и достоинства, чѣмъ можно найти его у нашихъ суетливыхъ, любопытныхъ, все выпытывающихъ, подо все подкапывающихся Евреевъ. Это отчасти можетъ происходить отъ того, что Жиды здѣсь во многихъ мѣстахъ живутъ большими кучами, а также отъ того, что многіе изъ нихъ здѣсь предаются болѣе спокойнымъ и тихимъ занятіямъ, земледѣлію и скотоводству.

Мы наконецъ достигли Кіева на Днѣпрѣ: это нѣкогда была величавая столица возникающаго Русскаго государства и до сихъ поръ представляетъ слѣды своего былаго великолѣпія. Мы подъѣхали къ нему прекраснымъ лѣтнимъ утромъ, и насъ иностранцевъ издали поразилъ дивный блескъ этого города. Тутъ на меня впервые повѣяло востокомъ отъ всѣхъ этихъ позлащенныхъ колоколенъ и куполовъ, церквей и монастырей. Кое гдѣ стояли отдѣльные величественные дома. Но весь городъ, когда мы въѣхали въ него, показался мнѣ, съ его обширными пустырями, чѣмъ-то покинутымъ, прекрасною развалиною прошлаго. Мѣстоположеніе этого города на холмахъ и между холмами на Днѣпрѣ, поистинѣ царственное. Мы опять остановились въ видномъ Жидовскомъ дворцѣ, въ которомъ мы видѣли прекрасное семейство, мать съ нѣсколькими дочерьми, и мы говорили, какъ нѣкогда Олофернъ: «поистинѣ у Евреевъ прекрасныя жены».

За Кіевомъ все еще тянулась страна богатая и тучная, но съ прежде видѣнными нами пажитями она не выдерживала сравненія. Жидовъ становилось все меньше, хотя нѣкоторые

изъ нихъ и живутъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Мы вскорѣ въѣхали въ настоящую Россію. Тутъ все стало опрятнѣе и чище, дома лучшей постройки, деревни расположены правильнѣе, люди добрѣе на видъ и лучше одѣты. Но дни стояли очень жаркіе, а въ домахъ насъ преслѣдовала страшная напасть, которой мы дотолѣ въ такой мѣрѣ не ощущали, хотя и въ Польшѣ ни одинъ смертный не можетъ оградить себя отъ извѣстныхъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что въ домѣ кишѣли блохи, хотя и некрупной Италіанской породы, но при всей своей малости достаточно злыя, что-бы доводить насъ до отчаянія. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ мы забирали съ собою столько этихъ мучительницъ, что приходилось останавливаться у перваго попавшагося лѣска или кустарника, раздѣваться почти до нага и нѣсколько минутъ сряду вытряхивать и выколачивать на вѣтру наше платье, что-бы избавиться отъ этихъ кусакъ. Мы тутъ встрѣтили деревни, населенныя раскольниками, старовѣрческою Русскою сектою, и къ удивленію нашему мы видѣли, что женщины разбивали лохани, въ которыхъ мы умыли руки: ибо то, чего слишкомъ близко коснулся иновѣрецъ, считается у нихъ нечистымъ. Сосуды, изъ которыхъ они ѣли ложками и коихъ они не касались руками, не считаются въ такой мѣрѣ оскверненными.

Мы въ эти дни видѣли нѣсколько образчиковъ того, какимъ способомъ, при фельдъегерѣ, можно въ Россіи поступать съ почтовыми лошадьми, или точнѣе, какъ поступать нельзя, но однако поступаютъ. Когда лошади на бѣгу уставали или вообще казались фельдъегерю недостаточно сильными, и онъ примѣчалъ недалеко отъ доро-

ги табунъ пасущихся лошадей, онъ стрѣлою налеталъ на нихъ, выбиралъ изъ нихъ лучшихъ, отпрягалъ усталыхъ лошадей, впрягалъ пойманныхъ, и пошелъ! Но я также видалъ не разъ, какъ пастухи, увидавъ издали почтовую тройку, съ быстротою молніи уносились въ даль съ своими лошадьми и не давали фельдъегерю догнать себя. Обыкновенно также, что, при остановкѣ, ямщикъ вынимаетъ свой серпъ и нарѣзаетъ въ поляхъ клеверу, горошку, овса, сколько ему нужно для его лошадей. Это напоминаетъ описаніе путешествій по Молдавіи и Валахіи.....

...Вокругъ насъ кипѣла военная суматоха, или точнѣе суматоха военныхъ сборовъ и военного хозяйства. Тысячи подводъ съ провіантомъ, а также съ рекрутами для войска, десятки тысячъ быковъ и лошадей, которыхъ гнали туда-же отдѣльные полъзды улановъ и казаковъ, а также конвой отдѣльныхъ лицъ, препровождаемыхъ пѣшкомъ и въ телѣгахъ, (они казались невоенноплѣнными, а политическими преступниками) ночью безчисленные огни у солдатовъ и пастуховъ, въ перемежку, шумъ и пестрота, и кое-гдѣ при этомъ пѣсни и пляска. Странно и весело было смотрѣть, при свѣтѣ луны и звѣздъ, на толпы прыгающихъ, совершенно нагихъ людей, которые у огней своихъ, на коихъ въ то-же время варились и жарились ихъ пища, махали своими рубашками, штанами и вытряхали изъ нихъ насѣкомыхъ въ трескучее пламя. Я дивился этому; однакоже и мы были вынуждены, среди бѣла дня, дѣлать почти тоже самое. Все-же это казалось мнѣ нѣсколько Татарскимъ и варварскимъ пріемомъ. Такимъ образомъ, среди этихъ развлеченій, становились сносными и докучное, не-

веселое общество, и жаръ, и пыль, и дурная пища, и долгое ожиданіе лошадей (по этому тракту ѣхало много путешественниковъ по экстренной надобности, а намъ каждый разъ нужно было двѣнадцать лошадей), и даже кровавая назойливость Русскихъ мухъ и блохъ, не говоря уже объ оводахъ, привлеченныхъ множествомъ лошадей.

Я упомянулъ о дурной пищѣ. Въ деревняхъ насъ почти постоянно принимали привѣтливо и съ полною готовностію исполнять наши желанія; но во многихъ изъ нихъ все было отобрано до чиста: не оставалось и живой курицы; и мы были, рады когда могли достать немного молока, хлѣба и водки. За то въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ въ Черниговѣ, мы устроились отлично, и повсюду насъ встрѣчали съ сѣвернымъ гостепріимствомъ. Русскіе купцы въ городахъ и мѣстечкахъ съ радушнымъ насиліемъ зазывали насъ въ свои дома и подчивали насъ превосходнымъ чаемъ и бутербротами; Русскіе дворяне съ почтовыхъ станцій приглашали насъ съ патріархальнымъ гостепріимствомъ въ свои изящныя залы и подкрѣпляли насъ пищею и питьемъ. Жидовъ по деревнямъ болѣе не было видно, развѣ между ямщиками и погонщиками скота, также на почтовыхъ станціяхъ, въ качествѣ переводчиковъ и факторовъ сопровождавшихъ иностранцевъ (Нѣмцевъ и Англичанъ) часто весьма издалека, изъ Яссы, Пешты, даже изъ Константинополя. Замѣчательно, что всѣ Польскіе Жиды понимаютъ и говорятъ по нѣмецки: это наводитъ на мысль, что они нѣкогда переселились изъ Германіи на востокъ, въ Польшу, Литву и прикарпатскія страны. Надежность ихъ и честность въ этихъ дѣлахъ восхва-

ляются всѣми. Но особенно радовали меня Русскіе ямщики, ихъ веселость и живость. Даже когда грубые фельдъегери, какъ казалось мнѣ, безъ малѣйшаго повода колотили бѣдныхъ ямщиковъ по спинѣ, какъ по деревянной доскѣ, они лишь встряхивались, вскакивали на своихъ лошадокъ, и снова принимались пѣть, свистать и щелкать. Съ своими лошадьми эти дѣти природы, пѣснями, свистомъ и прибаутками, повидимому вели рѣчь, вполне понятную для обѣихъ сторонъ: ибо лошадь, снабженная весьма недостаточною сбруею и руководимая по большей части лишь длинною, одно-стороннею вождею, выражаетъ своими движеніями полное повиновение всякому знаку, клику и свистку возницы. Я также тутъ замѣтилъ величайшую нѣжность со стороны людей къ этимъ животнымъ, сколь-бы притомъ они ни обращались грубо и жестоко съ своими ближними.

Большая часть моего дневника была у меня украдена въ Польшѣ, вмѣстѣ съ другими цѣнными вещами, и я не могу въ точности опредѣлить дня нашего прибытія въ знаменитый городъ Смоленскъ. Но должно быть это было въ первыхъ числахъ Августа. Было ясное утро, солнце уже пекло, и мы ѣхали медленно (причемъ подчасъ бывали вынуждены останавливаться минутъ на пять и на десять) сквозь дикій военный станъ, среди поѣздовъ кирассировъ, казаковъ и артиллеріи и были засыпаны и напылены страшною пылью. Говорить-же нашъ Мэзеръ, что пыль — помада героевъ. Наконецъ мы пропикли въ городъ и очутились въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ рекомендованной намъ гостиницы, которую содержалъ Симонъ Джіампа, честный Нѣмецъ изъ Италіянцевъ.

Было около десяти часовъ утра, и наши желудки и гортани давно алкали этой вождѣленной цѣли.

Наконецъ мы продрались сквозь толкотню людей и лошадей на дворъ Джіампы. Я тутъ нашелъ Нѣмца-офицера, честнаго Саксонца, майора фонъ Бозе, котораго я въ послѣдствіи еще лучше узналъ въ Петербургѣ; онъ сидѣлъ на лѣстницѣ, и на наши требованія хлѣба и вина онъ отвѣчалъ: «Терпѣніе! терпѣніе! господа; я послалъ своего человѣка, и вотъ уже болѣе часа сижу въ ожиданіи подкрѣпленія. Здѣсь рѣшительно ничего нельзя достать, ни комнаты, ни пищи; вы видите, уланскіе и казацкіе офицеры заняли весь дворъ и домъ, и мышъ едва въ него влѣзетъ». И такъ, мы терпѣливо усѣлись возлѣ него; но нашъ маленькій графъ куда-то побѣжалъ. Онъ вернулся черезъ часъ съ бутылкою плохаго Донскаго вина и съ хлѣбомъ, и воскликнулъ: «Это стоитъ червонецъ: подѣлимся!» Мы такъ и сдѣлали, добыли еще бутылку воды, угостили и Саксонца. Лишь къ вечеру отхлынулъ потокъ, и мы наконецъ добыли двѣ комнаты и нѣсколько жареныхъ куръ. Уже шла война, и весь городъ, и поле кругомъ были однимъ обширнымъ лагеремъ, въ который ежедневно стекались во-выя войска, такъ какъ Барклай де Толли и князь Багратіонъ соединились.

Но и тутъ мнѣ улыбнулось особенное счастье. Тутъ было много офицеровъ Нѣмцевъ, отчасти уже поступившихъ въ Русскую армію, отчасти собиравшихся вступить въ нее, Саксонцевъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ, ваточившихъ свои мечи и ожесточившихся противъ Французовъ. Вскорѣ я встрѣтилъ дорогихъ, старинныхъ знакомыхъ моихъ графа Шазо, храбраго Испавца, Льва Лют-

цова моего земляка, Густава Барнекова съ острова Рюгена и т. д. Ша-зò заботился тутъ, гдѣ едва можно было добыть чего-либо за деньги, о моемъ прокормленіи. Онъ былъ старшимъ адъютантомъ въ бригадѣ принца Ольденбургскаго старшаго (нынѣ царствующаго герцога) и ежедневно обѣдалъ за столомъ дивизионнаго генерала, герцога Александра Виртембургскаго. Тутъ-же пристроилъ онъ и меня, за большой обѣденный столъ; случилось мнѣ также ночью спать съ нимъ на соломѣ въ большой залѣ, въ которой храпѣло на полу до полусотни офицеровъ.

Четыре-пять дней, пролетѣвшіе тутъ, среди военной суматохи, были для меня и забавны, и поучительны.

Тутъ мимо меня проходили и проносились въ скачъ разнообразные представители многочисленныхъ народовъ Россіи отъ Ледовитаго океана и Урала до Волги и Чернаго моря, красивые Татары изъ Кабарды и изъ Крыма, статные казаки съ Дону, Калмыки съ плоскими носами, плоскимъ станомъ, косыми ногами и косыми глазами, какъ за полторы тысячи лѣтъ описалъ Амміанъ своихъ Гунновъ, и безобразные коварнаго вида Башкиры съ лукомъ и стрѣлами. Но всего красивѣе былъ взводъ конныхъ Черкесовъ, въ стальныхъ кольчугахъ и стальныхъ шлемахъ съ развѣвающимися перьями — красивѣйшіе, стройные мужчины на красивѣйшихъ лошадяхъ.

Я поѣхалъ въ Москву съ молодымъ офицеромъ Нѣмцемъ изъ Нѣмецко-русскаго легіона, посланнымъ въ лагерь и возвращавшимся въ Петербургъ, отчасти и въ обществѣ полковника Теттенборна, съ которымъ я съѣхался въ Вязьмѣ на другой

день по выѣздѣ моемъ изъ Смоленска. Тутъ именно въ то время находилась часть императорскаго кабинета, гр. Нессельродъ, б. Анстетъ и многіе другіе, съ коими вмѣстѣ я обѣдалъ у полицеймейстера въ огромной залѣ, въ которой сидѣло за столомъ не менѣе полутора ста гостей. Тутъ было собрано почти все мѣстное дворянство, а около города стояли станомъ тысячи молодыхъ крестьянъ, набранныхъ въ войско и сопровождаемыхъ матерями, сестрами, невѣстами. Тутъ-же стояло множество повозокъ, на которыхъ увозили раненыхъ во внутренность страны, и за столомъ съ нами сидѣло нѣсколько храбрыхъ раненыхъ офицеровъ. Тутъ звенѣли чаши, все ликовало и гремѣло восторгомъ; а послѣ круговыхъ чашъ, когда всѣ поднялись изъ за стола, удостоились награды и иностранцы, о которыхъ прошла молва, что они прибыли въ Россію не для того, что-бы помогать Наполеону. Объятія, рукожатія, поцѣлуи отъ прелестныхъ женщинъ и дѣвъ, одушевленныхъ любовью къ отечеству. Во всемъ народѣ, до самыхъ низшихъ его классовъ, господствовало необыкновенное оживленіе и возбужденіе: всѣ называли Французовъ рабами за ихъ несвободу, и все это было не напускное, не поддѣльное чувство; нѣтъ, оно било ключомъ живой воды изъ глубины сердець. Такія милости отъ прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ доставались на мою долю не разъ и въ послѣдствіи, въ Петербургѣ, даже въ дворцахъ у Орловыхъ и Ливеновъ, въ дни, когда приходили или праздновались извѣстія о побѣдахъ. Таковъ обычай страны, нѣсколько сходный съ Англійскимъ. Женщины дѣлаютъ починъ, и имъ предоставляется невинное право цѣ-

ловать мужчинъ послѣ обѣда. Что городъ, то норовъ.

Мы лишь на слѣдующее утро выѣхали изъ Вязьмы и среди дня остановились на нѣсколько часовъ въ чистенькомъ привѣтливомъ городкѣ Гжатскѣ, потому что экипажъ моего полковника нуждался въ починкѣ. Я вышелъ изъ города и легъ на стогъ сѣна на зеленомъ лугу, на которомъ мирно паслись стада, какъ будто-бы войны и не бывало; надо мною повисла густая береза, и я въ раздумьи глядѣлъ на летучія облака. Вдругъ раздалась музыка, стала звучать все ближе и ближе, и вскорѣ мимо меня пронеслись длинныя ряды повозокъ, съ ополченцами; впереди скрипки и дудки, тутъ же и родители, и братья, и невѣсты. Такъ весело пронеслись они мимо меня, съ цвѣтами и пѣснями, на бой и на смерть, словно фантастическій свадебный поѣздъ! Тутъ разстался я съ моимъ полковникомъ. Онъ изъ Гжатска поѣхалъ прямо въ Петербургъ, я-же съ моимъ офицеромъ въ маленькой Русской телѣгѣ объѣздомъ въ Москву.

Этотъ городъ-чудо я видѣлъ только два дня. Мнѣ сдавалось, что я въ Азіи. Нищета и великолѣпіе, хижины и сараи не только въ предмѣстьяхъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ города; при этомъ роскошь дворцовъ и садовъ, позлащенные куполы и башни церквей и монастырей, Кремль съ его золотыми воротами, теремками и башнями. Къ тому-же необычайное движеніе и многолюдность въ это чрезвычайное, тревожное время. Въ два дни я не могъ осмотрѣть ничего, я могъ только дивиться. И тутъ я встрѣтилъ радушный пріемъ, сперва у коменданта Кремля, генерала Гессе, Нѣмца, который въ Россіи повидимому не утратилъ ничего изъ сво-

ей Нѣмецкой прямоты и добродушія, и который, въ то время какъ онъ разсматривалъ и прописывалъ наши паспорта, угостилъ меня и моего офицера хорошимъ завтракомъ, и самъ повезъ насъ въ своемъ экипажѣ къ губернатору, говоря, что ему нужно къ нему по дѣлу. И такъ мы увидѣли этого губернатора, генерала графа Ростопчина, который черезъ мѣсяць такъ прославился сожженіемъ древней столицы царей. Въ сущности я его уже видѣлъ, въ Смоленскѣ, въ лицѣ раненаго майора, который лежалъ у Джіампы на диванѣ, съ перевязанною ногою, въ комнатѣ рядомъ съ нашею, и вечеромъ не разъ собиралъ насъ къ себѣ на чай: совершенно тотъ-же складъ, тѣ-же глаза, тотъ-же лобъ, та-же рѣзкая и благодушная прямота, средній, плотный ростъ, широкое лицо, короткій правильный носъ, большіе голубые глаза, быстрыя движенія.

Таковъ на видъ былъ Ростопчинъ, таковыми нашелъ я впоследствии въ разныхъ мѣстахъ многихъ Русскихъ офицеровъ: то-же выраженіе лица, тотъ-же типъ. Типъ этотъ едва-ли встрѣчается часто въ древнихъ знатныхъ семействахъ, слишкомъ объевропейившихся, слишкомъ опридворившихся, слишкомъ отшлифованныхъ и даже сшлифованныхъ, но за то распространенъ въ хорошемъ среднемъ дворянствѣ. Мы были приглашены имъ къ обѣду, присутствовали при большомъ торжествѣ, при молебствіи по поводу побѣды Витгенштейна надъ маршаломъ Удинѣ, въ церкви св. Іоанна (?) у Кремля, и участвовали за столомъ во всеобщемъ, восторженномъ ликованіи.

Дорога отсюда въ Петербургъ идетъ на Тверь и Новгородъ, между Москвою и Тверью, по красивой, богатой

и хорошо обработанной мѣстности. Я видѣлъ большія хорошенькія деревни и красивыя избы, многія изъ нихъ въ два этажа, съ свѣтлыми окнами, раскрашенными фасадами и съ изящною рѣзьбою и пестрыми узорами внутри и снаружи. Какъ дома, такъ и внутренняя облицовка стѣнъ состояли почти исключительно изъ дерева. Это напомнило мнѣ обычай въ Гельзингландѣ, Даларнѣ и Норландѣ въ Швеціи, гдѣ крестьяне украшаютъ свои повозки, сбрую, дома и церкви подобною искусною рѣзьбою. Относительно-же расположенія деревень можно было подумать, что имѣлись въ виду воззрѣнія Гиппократта или Бюксбургскаго доктора Фауста на солнце, воздухъ и воду. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя деревни построены рѣшительно въ формѣ круга, большинство-же изъ нихъ полумѣсяцомъ, такъ чтобы онѣ могли по возможности пользоваться солнечнымъ тепломъ отъ юго-востока до юго-запада и по возможности быть защищены отъ злыхъ холодныхъ вѣтровъ, съ сѣверо-востока до сѣверо-запада. Точно такое расположеніе крестьянскихъ дворовъ встрѣчается и въ Швеціи. Вообще, какая разница въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, между Русскими и несчастными Польскими крестьянами!

Въ деревняхъ по дорогѣ до самаго Новгорода все еще встрѣчались крестьяне, обучавшіеся обращенію съ оружіемъ, и отдѣльные отряды войска. Проходили мимо насъ иногда печальныя кучки плѣнныхъ, между ними даже Испанцы и Португальцы. Погода днемъ стояла по большей части очень жаркая, и короткія сѣверныя ночи не успѣвали охлаждать воздуха. Конечно въ болѣе чисто-плотной Россіи не такъ страдаешь

отъ насѣкомыхъ, какъ въ Польшѣ, но злые черные прыгуны не умялись въ многочисленности. Для того, что-бы избавиться отъ нихъ, я по возможности избѣгалъ комнатъ, и когда остановка изъ за лошадей (что впрочемъ между Тверью и Петербургомъ случалось рѣдко) доставляла намъ часъ-другой отдыха, то я заворачивался въ плащъ и ложился, когда шелъ дождь, подъ телѣгу, подложивъ себѣ подъ голову самую цѣнную часть моего имущества, напѣвалъ: *hoc tibi proderit olim*, и засыпалъ богатырскимъ сномъ.

У меня не было съ собою слуги, и по этому я долженъ былъ самъ стеречь мои вещи, и уже раза два убѣждался въ необходимости быть на сторожѣ, въ первый разъ въ Смоленскѣ у Джіампы, гдѣ, за недосмотромъ слугъ, у насъ кое что стащили, а во второй въ Вязьмѣ, гдѣ во время шумнаго обѣда у насъ украли нѣкоторыя вещи изъ самой передней полиціймейстера. Въ этомъ отношеніи, Россія — та-же Аравія, и Русскіе простолюдины, какъ и Арабы, тароваты въ шатрѣ, вороваты на улицѣ.

Наконецъ я проѣхалъ знаменитый Новгородъ, о коемъ Ганзейская поговорка нѣкогда гласила: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Но этотъ Новгородъ, въ теперешнемъ его положеніи, не произвелъ на меня столь сильнаго впечатлѣнія и лишь въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ обширности своихъ стѣнъ (въ чемъ можетъ поспорить съ Кіевомъ) представляетъ слѣды своего величія. Иванъ Васильевичъ Грозный попраля ногами свободу и независимость этого пышнаго города и его гордыхъ гражданъ и его пригородовъ, вывелъ многія тысячи его храбрыхъ жителей въ южныя части государства, и

замѣнилъ ихъ другими поселенцами, привыкшими къ слѣпому повиновенію.

На четвертый день по выѣздѣ моемъ изъ Москвы, я промчался мимо миловиднаго Царскаго Села, и вскорѣ моимъ удивленнымъ взорамъ представились Нева и расположенная на ея берегахъ новая Пальмира. Итакъ я въ четыре дни проѣхалъ болѣе ста Нѣмецкихъ миль. Вся дорога отъ Твери до Петербурга крайне однообразная; вся страна ничто иное, какъ плоская равнина: множество болотъ и трясинъ, съ отдѣльными группами березъ и елокъ, мало деревень, лишь кое-гдѣ одинокая, красивая почтовая станція или гостинница, обыкновенно съ хозяиномъ-Итальянцемъ. Дорога впрочемъ почти столь-же хороша, какъ прочія большія дороги великаго государства. Мекленбургскихъ и Голштинскихъ или Бельгійскихъ каменныхъ плотинъ тутъ, слава Богу, нѣтъ; но за то множество деревянныхъ гатей, преимущество по болотамъ и трясинамъ, сложенныхъ изъ цѣльныхъ еловыхъ стволовъ, дрожащихъ и подпрыгивающихъ подъ колесами. Отъ этихъ дрожащихъ бревенъ толчки непосредственно передавались телѣгою сѣдоку. Да и разболѣлись же у меня бока послѣ этой солдатской ѣзды, въ которой я въ теченіи четырехъ дней едва успѣвалъ засыпать на мгновенія; ибо мнѣ не только не давала засыпать людская толкотня и тряска на гатяхъ, но я и самъ съ намѣреніемъ не давалъ себѣ заснуть, а лежалъ какъ собака на своемъ добрѣ, чтобы не доѣхать до Петербурга совершенно обобранымъ. Я называю эту ѣзду солдатскою, имѣя въ виду то, чѣмъ должны бы быть солдаты, а не то, чѣмъ они есть. Ибо мои солдаты, люди несомнѣнно храб-

рые и бодрые, полковникъ Теттенборнъ и мой легионный офицеръ, на другой день послѣ нашего пріѣзда лежали, полубольные, на кровати и на диванѣ; я же остался на ногахъ, и подумалъ: «Твоя грудь и твои легкія, съ помощію Божіею, еще продержатся годъ-другой».

Въ концѣ Августа 1812 года въѣхалъ я въ Петербургъ и прямо направился къ замку г. министра барона фонъ Штейна. Замокъ этотъ носитъ названіе Демута, отъ имени хозяина гостинницы, въ которой министръ проживалъ нѣсколько мѣсяцовъ, пока мѣсть онъ не переѣхалъ въ предоставленный ему домъ дворцовыхъ размѣровъ. Я тотчасъ отыскалъ себѣ у Демута двѣ комнаты и нанялъ себѣ лакея-Нѣмца, по рожденію Эстляндца; безъ этого тутъ нельзя обойтись. Я тотчасъ поступилъ въ должность къ г. министру, состоя пока какъ-бы на Русской службѣ: ибо я получалъ жалованіе изъ Русскаго казначейства, даже еще во время пребыванія моего въ Пруссіи; впоследствии, конечно, изъ кассы центрального управленія по дѣламъ Германіи. Мнѣ также возвратили деньги, истраченные мною во время моего опаснаго путешествія отъ Праги до Петербурга. Министръ поручалъ мнѣ разныя мелкія письменныя дѣла, переписку и разборъ писемъ и депешъ, составленіе мелкихъ брошюръ, а также дѣла по устройству такъ-называемаго Нѣмецкаго легиона. Также задавалъ мнѣ работы одинъ старый Русскій адмиралъ: работа была то веселая, то докучная, смотря по тому, что взойдетъ на умъ старику. Это былъ адмиралъ Шишковъ, великій оригиналъ, истый Русскій и, какъ сдается мнѣ, самаго лучшаго закала. Въ немъ выразился основ-

ной типъ его народа—веселость, шутливость и неописанная ловкость и живость какъ въ тѣлодвиженіяхъ, такъ и въ игрѣ физиономіи. Въ немъ, должно быть, было нѣчто суворовское. Шестидесятипятилѣтній старецъ, скорѣе худощавый чѣмъ полный, съ лицомъ весьма характернымъ, чертами ироническими и притомъ крайне добродушными, безпрестанно измѣняющимися, съ быстротою, невиданною мною ни на какомъ другомъ лицѣ. При томъ онъ имѣлъ привычку, повидимому, вполнѣ Русскую, выражать не словами, а жестами вспыхивающія въ его умѣ догадки и мысли; старику вообще было трудно облекать словами свои мысли, въ коихъ конечно у него не было недостатка, или точнѣе сковывать свою мысль тѣсными узлами слова. При этомъ замѣчу кста-ти, что Русскіе въ пантомимѣ и въ характерныхъ роляхъ и пляскахъ забавны до нельзя. Съ величайшимъ удовольствіемъ просиживалъ я въ Русскомъ театрѣ цѣлые часы, не понимая ни слова: до того занималъ меня языкъ тѣлодвиженій и жестовъ. Этотъ достойный старый адмиралъ, лишь весьма мало понимавшій по нѣмецки, либо слыхалъ обо мнѣ, либо имѣлъ подъ глазами одну изъ моихъ мелкихъ статей или ихъ переводы. Онъ въ то время, послѣ того какъ Румянцевъ свергъ министра внутреннихъ дѣлъ Сперанскаго, какъ бы заступилъ его мѣсто, и между прочимъ писалъ воззванія и манифесты къ народу. При этомъ онъ искалъ энергическихъ и величавыхъ выраженій и оборотовъ и переводилъ мнѣ свои фразы на плохой Французскій языкъ. Я же долженъ былъ изложить ихъ на Нѣмецкомъ языкѣ; затѣмъ, по возможности, съ усиленіемъ выразительности и паѳоса, перевести на Фран-

цузскій языкъ, вѣроятно еще болѣе плохой; онъ же пытался воспользо-ваться этою версіею для усиленія своего Русскаго текста. Помню только, что при всемъ удовольствіи, которое доставляло мнѣ общество славнаго старика, работа эта была невыносимая, и такъ какъ я не понималъ по-русски, то я не могъ даже вкусить ея плодовъ....

Битва подъ Бородинымъ 7 Сентября, вступленіе въ Москву 14 и пожаръ древней столицы 15 и 16 составили въ этой кампаніи первый и большой поворотъ, возбуждали въ Петербургѣ бурное столкновеніе самыхъ противоположныхъ мнѣній, но наконецъ привели къ побѣдѣ, укрѣпивъ мужество и настойчивость царя и народа. И въ Петербургѣ сначала были раздѣлены мнѣнія на счетъ того, кто сжегъ Москву, Растопчинъ или Французы. Люди, знавшіе Растопчина, говорили, что это онъ, и большинство проклинали его дѣло, какъ ужасную жестокость. Но когда принялись проклипать его и Французы и выставлятъ Растопчина образцомъ крайняго варварства, то въ Русскихъ произошелъ поворотъ, и тутъ только догадались они, какую побѣду одержали они надъ врагомъ этою пламенною жертвою. Имя Растопчина вдругъ сдѣлалось великимъ и славнымъ, и пошли рассказы и легенды о разныхъ приготовленіяхъ и мѣрахъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ. Тутъ же стала рассказываться басня о громадномъ шарѣ, извергающемъ пламя и пули, который будто соорудилъ Растопчинъ, съ помощію нѣсколькихъ фейерверкеровъ и воздухоплавателей, и который предполагалось спустить въ самую середину Французскаго войска. Эта басня была повторена Французами въ ихъ газетахъ. Растопчинъ

былъ истый Русскій человекъ, понимавшій свой народъ, умѣвшій говорить съ нимъ—это доказываютъ его воззванія къ Москвѣ; онъ же, въ случаѣ нужды, былъ человекомъ отчаяннаго мужества. Прежде онъ былъ генераль-адъютантомъ при Павлѣ, и императоръ могъ спать покойно, во всѣхъ своихъ дворцахъ, пока возлѣ него былъ этотъ страшный человекъ. Лишь удаливши Растопчина подъ предлогомъ должностей, которыхъ онъ никогда не желалъ, заговорщики могли приступить къ осуществленію своего замысла. Наполеонъ черезъ сожженіе Москвы проигралъ свою кампанію. Какъ больно это пламя обожгло Французовъ, видно изъ статьи, помѣщенной въ *Journal de l'Empire*. Вотъ она:

«Если-бы можно было сомнѣваться въ ужасномъ варварствѣ Русскихъ, то ихъ образъ дѣйствія въ собственной ихъ странѣ лучше убѣдилъ-бы насъ въ ономъ, чѣмъ все до сихъ поръ напечатанное о ихъ нравахъ. Побѣжденные нашимъ оружіемъ, они мстятъ намъ тѣмъ, что сжигаютъ города, коихъ они защищать не могутъ. Женщины, дѣти, старики, даже собственные раненные ихъ, дѣлаются жертвами ихъ безумной ярости или грубой гордости. Мы словно преслѣдуемъ ихъ лишь для того, чтобы защищать ихъ отъ собственной ихъ злобы, и наше войско, которому въ опьяненіи побѣды можно было-бы простить нѣкоторые безпорядки, наступаетъ лишь для того, что-бы спасти народъ отъ неистовствъ того войска, которое должно было-бы его защищать. Чтò случилось-бы съ образованною Европою, если бы въ нее могли вторгнуться эти полчища грабителей? На это даютъ отвѣтъ развалины Рима и Италиі. Варвары и

нынѣ все тѣ-же, какъ и во время оно. Если когда-либо была война народная, то такова конечно война, имѣющая цѣлью ниспроверженіе этого кровожаднаго колосса, который уже въ теченіи ста лѣтъ, при громѣ цѣпей, коими онъ угрожаетъ свободѣ Европы, и при свѣтѣ факеловъ, коими онъ хочетъ озарить ея развалины, наступаетъ на насъ. При осадѣ Вѣны, Европа единожды была спасена отъ наводненія варварами, но спокойствіе ея еще оставалось безъ ручательства. Нужно было возникнуть могучему генію. Нужно было ему ввести всѣ военныя силы образованнаго міра въ самое средоточіе варварства, для того чтобы поразить его въ сердце. Такова величавая картина, развертывающаяся передъ глазами удивленнаго міра, въ коей занятіе Москвы одинъ изъ главныхъ эпизодовъ. Можно было подумать, что врагъ пощадитъ свою древнюю столицу. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что по письмамъ, заслуживающимъ довѣрія, Русскій главнокомандующій послалъ въ главную квартиру Французовъ парламентаря, чтобы поручить Москву милости побѣдителя. Но до того великъ безпорядокъ въ Россіи, что намѣстникъ дерзаетъ собственною властію устраивать шайки разбойниковъ и злодѣевъ и надѣется защитить городъ, въ коемъ не могла удержаться цѣлая армія съ ватагою преступниковъ. Никогда безумнѣйшая жестокость не изобрѣтала болѣе ужаснаго дѣла: имя человека, совершившаго его, должно вызвать проклятiя современниковъ и отвращеніе потомства. Однакоже, несмотря на ужасную предосторожность намѣстника, который распорядился увозомъ или уничтоженіемъ пожарныхъ трубъ, есть надежда, что нѣкоторые кварталы, отдѣленные отъ

прочихъ обширными пустырями, будутъ спасены отъ пламени. По лежащему передъ нашими глазами письму, спасены большіе запасы риса, водки и муки, и ежедневно открываются новые. Отступленіе Русскихъ совершилось такъ поспѣшно, что они даже не имѣли времени заклепать многочисленныя орудія, хранящіяся въ арсеналѣ. Но ужаснѣе всего то, что Татаринъ, намѣстникъ Москвы—отъ этого дѣла содрогнулись-бы и людодѣды—прежде всего велѣлъ зажечь ту часть города, въ которой находились больницы, и что 30,000 раненныхъ и больныхъ (?), спасшихся отъ смерти въ битвѣ 7 Сентября, нашли ее въ пламени, зажженномъ ихъ соотечественниками. Можно-ли называть народомъ безумцевъ, сожигающихъ своихъ раненныхъ? Нѣтъ, Европа съ гнѣвомъ призываетъ на нихъ презрѣніе всѣхъ образованныхъ націй и проклятія грядущихъ столѣтій».

Такъ тяжело ощущали Французы, что Аустерлицкое солнце потухло въ дымѣ этого пожараща... Но и Императоръ Александръ не имѣлъ духа рѣшительно осудить или одобрить страшное дѣло, погубившее столько имущества и богатствъ, которыми впрочемъ воспользовались-бы лишь Французы, такъ что заслуга Ростопчина не была признана, и онъ вскорѣ послѣ того въ нѣкоторой опалѣ оставилъ свою родину. Но это напоминало Нуманцію и Сарагоссу, а при одномъ воспоминаніи о Сарагоссѣ у Французовъ волосы становились дыбомъ. Въ пламени-же Москвы сіяло десять Сарагоссъ. И Европа не произнесла проклятія надъ этимъ пожаромъ и не ощутила отвращенія, но то удивленіе, тотъ страхъ, какіе внушаетъ неспособность къ столь великимъ жертвамъ.

Я упомянулъ выше о Русско-нѣмецкомъ легіонѣ. Многіе офицеры, Нѣмцы, и не изъ самыхъ незначительныхъ, покинули свою родину и поспѣшили на востокъ. Ими руководило темное предчувствіе, что Господь наконецъ сокрушитъ счастливецъ, сумѣвшаго волею, искусствомъ и хитростію содѣлаться громадною силою, передъ коею малодушная толпа преклонялася какъ передъ судьбою. Начало этого крушенія уже виднѣлось имъ въ Испаніи. Они надѣялись, что Наполеонъ, гордость и властолюбіе котораго уже понесли значительныя уязвленія въ Иберіи, окончательно погибнетъ въ Скиѣи. Эти бѣглецы, по большей части Прусаки, люди храбрые и честные, намѣревались сражаться тутъ не противъ своего короля и повелителя, но за него. Многіе изъ нихъ сражались въ рядахъ войска; другіе жили въ Петербургѣ, чтобы изъ Нѣмецкихъ плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и волонтеровъ составить Нѣмецкій легіонъ, который поднялъ-бы мечъ и знамя, какъ только побѣда съ востока подвинется къ западу, къ предѣламъ отчизны.

Во главѣ комитета по устройству этого легіона стояли царствующій герцогъ Ольденбургскій (также бѣглецъ), графъ Ливенъ, еще недавно посланникъ въ Берлинъ, и министръ Штейнъ, люди самые неравные, что подавало поводъ ко многимъ мелкимъ дразгамъ. Герцогъ, человекъ прекрасный и достойный, былъ торжествененъ, сдержанъ и холоденъ, и конечно созданъ не для того, чтобы въ военныхъ обстоятельствахъ внушать пылъ и отвагу. Быстрый Штейнъ бывалъ въ отчаяніи, когда ему приходилось съ нимъ совѣщаться: «Стоитъ онъ предо мною, словно древне-германскій процессъ и учитъ меня два часа сряду

stans pede in uno, говаривалъ онъ. Когда я въ первый разъ отправился поклониться герцогу, Штейнъ предупредилъ меня, что-бы я, не прерывая, выслушалъ его рѣчи, что онъ станетъ учить меня исторіи Германской имперіи и ея князей. Такъ и случилось. Съ Ливеномъ имѣть дѣло было удобно: онъ охотно подчинялъ свою дѣятельность по этому и по прочимъ Германскимъ дѣламъ сужденію и волѣ Штейна. По этимъ дѣламъ и мнѣ иногда давались маленькія порученія, и мнѣ случилось бывать посредникомъ между офицерами и моимъ начальникомъ. Медлительность и педантство герцога часто доводили бѣдныхъ офицеровъ до отчаянія, такъ что самые пылкіе изъ нихъ часто бывали близки къ тому, чтобы вовсе отказаться отъ нашего плана и потеряться въ рядахъ Русской арміи, гдѣ конечно имъ не предстояло видной дѣятельности, такъ какъ Русскіе, когда дѣла ихъ стали поправляться, сдѣлались невыносимо надменными и насмѣшливыми съ иностранцами. Это было тяжелое испытаніе для терпѣнія многихъ отличныхъ людей, но Богъ далъ имъ въ 1813 году обогреть свой мечъ за отечество во Французской крови. Посреди всѣхъ этихъ мелкихъ дразгъ и непріятностей не мало было и радости, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пламя Москвы возжгло безконечныя надежды.

Таковъ былъ прекрасный кругъ, въ коемъ я ежедневно вращался. Но не хочу умолчать и о другомъ, который также имѣлъ свою прелесть. Я нашелъ въ Петербургѣ большіе торговые дома, во главѣ коихъ стояли мои соотечественники, и вскорѣ сблизился и съ другими Нѣмецкими домами, съ учеными и съ нѣкоторыми академиками. Тутъ сѣверное го-

степрѣимство выказывалось въ полномъ свемъ блескѣ. Встрѣтилъ я также старинныхъ знакомыхъ изъ Швеціи, между ними генерала графа Армфельта, въ то время намѣстника въ Финляндіи. Едва можно было отбиться отъ приглашеній и пировъ. Жизнь была ночная, къ чему естественно ведетъ зима на дальнемъ сѣверѣ, и еще болѣе ведетъ столичный обычай: до полуночи почти никогда не кончались вечернія собратія, а часто тянулись часовъ до двухъ, до трехъ. По утру-же нельзя было надѣяться, что-бы кто либо васъ принялъ часовъ до двѣнадцати.

Въ числѣ многихъ значительныхъ людей познакомился я съ астрономомъ Шубертомъ, съ поэтомъ Клингеромъ и съ мореплавателемъ Крузенштерномъ: всѣ трое были Нѣмцы, послѣдній происходилъ изъ Шведской фамиліи. Съ Шубертомъ меня познакомили, какъ съ моимъ землякомъ. Это былъ человекъ рослый, красивый и умный, но испорченный гордынею. Онъ былъ поклонникъ Наполеона, не вѣрилъ, что-бы надъ нимъ можно было одержать какой-либо успѣхъ, вообще благоговѣлъ лишь предъ умомъ и счастіемъ, былъ исполненъ холодной насмѣшливости и презрѣнія къ людямъ. Быть можетъ, онъ тутъ сталъ таковымъ; но для этого все таки была нужна прирожденная склонность. Онъ давалъ мнѣ поученія слѣдующаго рода: «человѣкъ есть служебная и вьючная тварь, любезный землякъ; тутъ онъ тварь вдвойнѣ коварная; привыкайте держать себя здѣсь понадменнѣе и погрубѣе, если вы хотите, что-бы васъ во что нибудь ставили.» Такія возмутительныя правила, быть можетъ, и въ другихъ странахъ имѣютъ свою долю практическаго значенія. Я былъ ра-

за два у этого надменнаго, чваннаго ученаго и болѣе къ нему не возвращался. Клиндеръ былъ высокій, величавый старецъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ тѣломъ, словно вылитымъ изъ металла, съ глубокимъ, горделивымъ взоромъ, съ могучимъ голосомъ. Но и этотъ Франкфуртецъ здѣсь сложился, сшлифовался и застылъ въ нестерпимо-свѣтскаго человѣка. Его постигло горе: въ Бородинскомъ сраженіи онъ лишился единственнаго своего сына, офицера Русской арміи; это глубоко сразило его. Крузенштернъ былъ совсемъ инымъ человѣкомъ, хотя и родился на суровомъ сѣверѣ, на берегахъ Эстляндіи: то былъ человѣчнѣйшій, безпритязательнѣйшій, любезнѣйшій изъ смертныхъ, съ которымъ всякому становилось на душѣ хорошо; онъ вынесъ изъ своихъ путешествій лишь добродушную простоту моряка, а не суровость стихіи, съ которою ему приходилось бороться. Но любимцемъ моимъ былъ академикъ Триніусъ, лейбъ-медикъ герцогини Виртембергской, рожденной принцессы Саксенъ-Кобургской, поэтъ, ботаникъ и—человѣкъ.

У него по ночамъ и полуночамъ собирались лучшіе и живѣйшіе представители Петербургской ученой гильдіи. Тутъ кипѣла жизнь, тутъ отъ всего сердца сочувствовали великому дѣлу освобожденія Нѣмецкой родины и Европы.

Герцогинѣ я былъ представленъ Триніусомъ и б. фонъ Штейномъ. Это была чудесная женщина, красивая и стройная, какъ вся ея семья, и исполненная Германскаго патріотизма. Она была восторженная сторонница Штейна и вполнѣ Нѣмка, и за ея чайнымъ столомъ старикъ возсѣдалъ въ полномъ блаженствѣ, а

за нимъ сиживали и люди помельче. Эта благородная принцесса собирала у себя все, что еще питало Германскую любовь и надежду. Она, ближайшій другъ царствующей императрицы Елисаветы, несла вмѣстѣ съ нею Штейновское знамя мужества и чести; и часто случалось, что она, ожидая къ себѣ какую нибудь странную, неуклюжую личность (въ такихъ случаяхъ придворные кавалеры и дамы не приглашались) давала о томъ знать Императрицѣ, и эта послѣдняя пріѣзжала *incognito*, садилась въ сторонѣ или позади фрейлинъ, что-бы провести время по человѣчески. Вотъ тому примѣръ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, куда въ это время, словно къ Великой Пятидесятницѣ восторга и избавленія, собирались языки и люди всѣхъ народовъ, явилось и нѣсколько только что пріѣхавшихъ изъ Англіи Тиролецевъ, между ними великолѣпный мужчина съ Форарльберга, Францъ Фиделисъ Юбилэ, лѣтъ сорока, истинный образецъ статнаго и свободнаго Германца. Этого человѣка, который провелъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Петербургѣ, наперерывъ приглашали на всѣ вечера, заставляли его рассказывать подвиги и страданія Тирольской войны, его аудіенціи у императора Франца и Англійскаго принца-регента, его разговоры съ ними; заставляли его пѣть Тирольскія пѣсни, народныя и военныя, что онъ и исполнялъ самымъ звучнымъ голосомъ и съ самою неподдѣльною веселостію. Онъ уже нѣсколько разъ побывалъ у герцогини, которая любила наигрывать на фортепіано мелодіи его пѣсенъ; уже онъ совершенно освоился и приручился въ ея домѣ и, какъ это бываетъ съ Альпійскими жителями, сдѣлался довѣрчивымъ и болтливымъ.

Герцогиня рассказала Императрицѣ объ этой забавной заморской птицѣ. Императрица пожелала его увидѣть и послушать. Герцогиня поручила графу Армфельту привезти его въ назначенный вечеръ. Графъ-же пригласилъ его въ этотъ день къ себѣ обѣдать и возбудилъ его бодрость прекраснымъ виномъ. Юбилѣ пріѣхалъ, болталъ, рассказывалъ, пѣлъ — все это съ чисто-тирольскимъ увлеченіемъ и веселостію. Когда дѣло стало подходить къ полуночи, и герцогиня поднялась, а за нею встали всѣ присутствовавшіе, Императрица выступила изъ-за фрейлины, привѣтливо подошла къ Тирольцу, заговорила съ нимъ о Швабіи и о Рейнѣ, рассказала ему, что она прирейнская Нѣмка, и попросила его, что-бы, если Тирольцы и онъ въ ихъ числѣ вскорѣ снова подымутся и Богъ дастъ имъ побѣду, онъ вспомнилъ о ея заступничествѣ и не слишкомъ по военному хозяйничалъ въ Баваріи и Швабіи. Онъ-же, находясь уже въ ударѣ, отвѣчалъ ей смѣло и рѣзко, съ Тирольскою запыльчивостію отозвался о короляхъ Баварскомъ и Виртембергскомъ и о ея братѣ, великомъ герцогѣ Баденскомъ, при чемъ не скупился на сильныя выраженія. Послѣ того, какъ Императрица все это выслушала съ улыбкою и повторила свою просьбу, выступилъ впередъ спутникъ Армфельтъ и сказалъ: «Знаете ли вы, любезный Юбилѣ, съ кѣмъ вы говорите? Это Императрица.» При этихъ словахъ, бѣднякъ поблѣднѣлъ, весь опустился отъ страха и произнесъ заикаясь: «Ваше Величество, будьте милосерды! На то была ваша воля: я не зналъ, что вы тутъ; я считалъ васъ лишь придворною дѣвкою». Тутъ она принялась милостиво его успокоивать, но онъ ушелъ

дрожа всѣмъ тѣломъ. Когда я на другое утро посѣтилъ его—это былъ день, назначенный для его отъѣзда—онъ лежалъ въ постели и охалъ: оказалось, что онъ принялъ рвотное. На мой удивленный вопросъ, какъ это онъ такъ быстро ослабѣлъ и расхворался, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ вчера было хуже чѣмъ отъ пули изъ штуцера: Императрица вотъ гдѣ у меня сидитъ.»

О, то было время знаменій и прорицаній пророка Исаи; равность настроеній равняла всѣ народы; горы прижались къ долинамъ, и долины воздвигались горами.

Пріѣзжали въ это лѣто въ Петербургъ многія и другія, прекрасныя и знаменитыя, личности, ниспускавшіяся до доступныхъ мнѣ сферъ. Также появились тутъ, бѣжавшія изъ Вѣны, двѣ Европейскія знаменитости, г-жа Сталь и Августъ Вильгельмъ фонъ Шлегель. Ихъ я также лицезрѣлъ. Что сказать мнѣ объ этой великой, столь часто изображенной и прославленной женщинѣ? Наружностію она не была красива, для женщины сложена почти слишкомъ сильно и мужественно. Но какая голова вѣнчала это тѣло! Лобъ, глаза и носъ были прекрасны и сіяли блескомъ генія; ротъ и подбородокъ были менѣе привлекательны. При блистательномъ остроуміи, сверкавшемъ въ ея глазахъ, въ каждомъ ея словѣ, слышалось чарующее выраженіе разума и доброты. Она по лицу всякого встрѣчнаго угадывала, въ какомъ тонѣ съ нимъ говорить — царственный даръ, коего лишены многіе цари. Было весело смотрѣть, какъ она обходилась со Штейномъ и какъ эти двѣ живѣйшія личности, сидя на одномъ диванѣ, спорили между собою. — Слѣдующій случай съ г-жею Сталь далъ почувствовать намъ,

столь часто слишкомъ равнодушнымъ, какъ живо Французы любятъ свою родину и все родное и какъ часто у нихъ слишкомъ много того, чего у насъ слишкомъ мало.

Французскіе актеры въ Петербургѣ давали Федру. Рокка (другъ г-жи Сталь) и ея сынъ пошли въ театръ, мы-же и прочіе приглашенные къ знаменитой женщинѣ еще сидѣли за столомъ,—вдругъ они оба вернулись нѣсколько взволнованные и рассказали, что съ самаго начала представленія въ театрѣ поднялись такой шумъ и гамъ, такая брань на Французовъ и Французскій театръ, что представленіе должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было послѣднее представленіе Французской труппы въ это лѣто въ Петербургѣ, и народная ненависть и гнѣвъ выразились столь рѣзко и жестко, что въ началѣ слѣдующей зимы актеры должны были оставить Петербургъ. А г-жа Сталь? Она забыла о времени и мѣстѣ, она помнила лишь себя и свой народъ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула. «Варвары! не хотятъ видѣть Расинову Федру!»

А Русскіе? Не владѣя языкомъ, я могъ вступать въ сношеніе лишь съ тѣми изъ нихъ, которые, говоря по нѣмецки или по французски, были причастны къ общеевропейскому образованію, и у которыхъ Европейская отдѣлка и лоскъ отчасти уже стерли народныя особенности. Но истинные Русскіе, солдаты, крестьяне и мелкіе торговцы, ямщики и кучера, мимы и танцовщики Русскаго театра, этихъ я не упускалъ случая наблюдать и узнавать. Такія антропологическія забавы были для меня потребностію, и удовлетворяютъ этой потребності мнѣ тутъ представлялась богатая возможность.

Гуляя съ моимъ почтеннымъ покровителемъ, что въ первый мой мѣсяцъ въ Петербургѣ случилось часто, я предавался этой забавѣ. Когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ шли прохожіе, мы угадывали и бились объ закладъ, который изъ нихъ Нѣмецъ, Англичанинъ, Русскій. Пріемы послѣднихъ я вскорѣ изучилъ, также ихъ складъ и походку, такъ что я уже на значительномъ разстояніи узнавалъ ихъ навѣрняка. Тогда мой старикъ говаривалъ шутя, что меня, должно быть, въ колыбели подмѣнила какая нибудь колдунья, что я очевидно принадлежу къ какому нибудь племени дикихъ Американцевъ и что у меня собачье чутье на иноплеменную кровь. Русскіе — чудный народъ. Можно сказать безъ ошибки, что въ ихъ чертахъ и во всемъ ихъ физическомъ и нравственномъ складѣ, Азія соединяется съ Европою; мало того, васъ поражаютъ и многія другія, необъяснимыя сходства; несомнѣнны примѣси Скандинавскаго, Татарскаго, Финскаго элементовъ. Какъ близокъ языкъ къ Польскому, и какъ несхожи люди обѣихъ націй! Легкость и веселость, общая всему Славянскому племени, но притомъ гораздо болѣе сознательной игривости, чѣмъ у Поляковъ, гораздо болѣе выраженія насмѣшливой разумности и упорной воли, при всей подвижности и гибкости членовъ и жестовъ. И когда дѣло касается чего либо важнаго, какое выраженіе упорства и твердости, какое терпѣніе и трудолюбіе, какая стойкость, словно Азіатская! Притомъ религіозность столь же глубокая, какъ она поверхностна у сосѣдей. Я поистинѣ дивился лицамъ молящихся въ церквахъ и на улицахъ, когда раздавался утренній или вечерній звонъ. Какъ все останавли-

валось и складывало руки (?), какъ все смотрѣло глубоко, словно заглядывало въ небо и въ самого себя, словно внезапно переносилось изъ веселости предъидущей минуты, изъ суеты житейской въ иной міръ, словно ударилъ громъ и приковалъ всѣхъ къ мѣсту, гдѣ только что всѣ беззаботно двигались и шумѣли! Тутъ чувствуешь, что въ этомъ народѣ есть нутро, есть твердая, неразрушимая сущность. У послѣдняго крестьянина написано на лицѣ: я также нѣчто; выражается великая, несокрушимая общность, нѣчто похожее на гордость, о чемъ смиренный Нѣмецъ не имѣетъ и понятія. Я говорю это не въ качествѣ человѣка, который-бы ихъ особенно любилъ и ими восхищался; но таково именно впечатлѣніе, которое они на меня произвели. Они не любятъ Нѣмцевъ, они даже презираютъ ихъ. Я не плачю имъ тѣмъ же, но любить ихъ я также-бы не могъ, а жить между ними я не хотѣлъ-бы ни за что въ мірѣ. Имъ пришлось испытать великую и тяжкую судьбину, и они честно испытали ее. Я не думаю, что-бы имъ было суждено произвести въ мірѣ переворотъ, я и не желаю увидѣть ихъ въ моемъ отечествѣ въ качествѣ исправителей міра; но и чужіе не такъ легко сдвинуть съ пути этихъ твердыхъ богатырей.

А между Русскими высшихъ сословій, какія величавыя отдѣльныя лица, какіе образцы, сказалъ-бы я, для живописца и скульптора! Страхъ и удивленіе внушаетъ эта самоуверенная сила — не назову ея величіемъ, выраженіе это слишкомъ высоко, но эта рѣшительность и непоколебимость, даже независимость. Какъ? *Независимость* въ такихъ странахъ, какъ Россія и Турція, гдѣ случай и произволъ почти всегда сильнѣе, чѣмъ

справедливость? Именно *независимость*. Отчасти это обусловливается конечно народнымъ характеромъ, но еще болѣе способомъ правленія. Люди кажутся несокрушимыми и непоколебимыми, какъ желѣзная судьба. Я понимаю, какимъ образомъ могутъ слагаться такія личности въ Россіи и въ Турціи. Кто въ этихъ странахъ имѣетъ достаточно силы и мужества, наконецъ побѣждаетъ всякій страхъ, который въ сущности можетъ внушать ему лишь одно лицо; все остальное прахъ и ничтожество, попираемое имъ ногами. Ему нужно только держаться своей твердой рѣшимости и не забывать, что Царь — также смертный человѣкъ. Какая разница тамъ, гдѣ дѣйствуютъ болѣе свободныя силы! Какъ въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, даже самый энергическій характеръ, самая могучая воля должны дробиться и размѣниваться въ своей дѣятельности! Со сколькими лицами и вещами приходится считаться, съ какою уступчивостію и гибкостію обходить осторожно всякую позицію! Какъ рѣдко можно штурмовать ее прямо! Въ странахъ, гдѣ поклоняются лишь одному Богу и одному самодержавному Государю, гдѣ до Бога высоко, до Царя далеко, всегда можно идти прямо на проломъ. Ибо тамъ, гдѣ господствуетъ рабство, отдѣльныя лица всегда болѣе независимы. Тутъ кстати два анекдота о великомъ Суворовѣ.

Когда его единственному сыну минуло семнадцать лѣтъ, онъ захотѣлъ представить его Императрицѣ Екатеринѣ. Онъ вошелъ съ нимъ въ прихожую, наполненную ожидающими и прислужниками. Всѣхъ поразило костюмъ юноши. Отецъ одѣлъ его такъ, какъ одѣвали пажей во времена Петра Перваго. Старикъ, имѣвшій всегда сво-

бодный доступъ къ Императрицѣ, по привычкѣ своей болѣе бѣгать чѣмъ ходить, проскочилъ сквозь разступающуюся толпу вмѣстѣ съ сыномъ, и схватился за ручку двери, какъ будто хотѣлъ войти къ Государынѣ. Но вдругъ онъ столь-же быстро побѣжалъ назадъ на середину залы, простоялъ тамъ нѣсколько мгновений, какъ будто въ раздумьи, и затѣмъ цѣлый часъ водилъ своего сына вокругъ комнаты, заставляя его кланяться всѣмъ присутствовавшимъ. Онъ началъ съ самыхъ знатныхъ, причемъ собственноручно, и лишь весьма немного, наклонялъ голову сына; онъ все увеличивалъ поклоны, по мѣрѣ того, какъ переходилъ къ лицамъ менѣе чиновнымъ и, дошедши наконецъ до истопника, разводившаго огонь въ каминѣ, онъ наклонилъ голову юноши до самой земли. Затѣмъ онъ поднялъ его и сказалъ торжественно и громко, такъ что это было слышно во всей залѣ: «Сынъ мой, ты сегодня начинаешь жить самостоятельно; не забывай великаго урока, который я пожелалъ тебѣ дать. Смотри! эти господа (указывая на знатнѣйшихъ) уже стали всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли сдѣлаться; тѣ-же еще могутъ всего достигнуть!» Вспомнимъ при этомъ карьеры Разумовскихъ, Орловыхъ, Потемкина, Зубовыхъ и т. д.

Въ царствованіе Павла, когда старый фельдмаршалъ былъ уже очень дряхлъ, Императоръ, не вполнѣ ему довѣрявшій, учредилъ за нимъ присмотръ. Однажды онъ послалъ къ нему своего любимца Кутайсова, подъ предлогомъ освѣдомленія о его здоровьи. Этотъ Кутайсовъ изъ должности брадобрѣя возвысился до чина генерал-лейтенанта. Когда о немъ доложили, фельдмаршалъ, лежавшій больной въ постели, велѣлъ себя одѣть въ мун-

диръ и обувь въ сапоги съ шпорами, сѣлъ въ большія кресла, и въ этомъ нарядѣ онъ допустилъ къ себѣ Кутайсова. Этого послѣдняго, хотя и видѣлъ его часто, Суворовъ принялъ какъ человѣка, совершенно незнакомаго. Прикидываясь впавшимъ въ дѣтство и потерявшимъ память и соображеніе, онъ принудилъ его неумолкаемыми ребячливыми вопросами и ссылками на свою старость и безпамятство (при чемъ онъ вычислялъ всѣ тѣ походы, въ коихъ могли-бы они вмѣстѣ участвовать) къ мучительному признанью, что онъ никогда не бывалъ подъ огнемъ, и что онъ, не совершивши ни единого подвига, не видѣвши никакой опасности, милостію Государя достигъ генеральскаго чина. Вдоволь натѣшившись надъ своею жертвою, Суворовъ притворился, что къ нему вдругъ вернулись полное сознаніе и память, привѣтливо усадилъ гостя около себя и затѣмъ принялся звонить изо всей мочи. Когда на этотъ звонъ вбѣжалъ рослый гайдукъ, онъ велѣлъ ему подать себѣ стоявшую въ углу трость и стать передъ нимъ, и затѣмъ принялся колотить его тростью по спинѣ, приговаривая: «Подлецъ ты, сколько лѣтъ учу я тебя, и ничего путнаго изъ тебя не сдѣлаешь. Взгляни вотъ на этого барина, онъ былъ тѣмъ же, что ты; стыдись мерзавецъ: изъ тебя что вышло?»

*

Наполеонъ просидѣлъ въ Москвѣ драгоцѣнное время, все еще надѣясь вовлечь Русскаго Императора въ мирные переговоры, какъ это удавалось ему въ Вѣнѣ и въ другихъ столицахъ. Но на этотъ разъ онъ промахнулся. Мира онъ не дождался, но за то дождался зимы, и наконецъ нужно было подумать объ отступле-

ніи. 20 Октября было предписано отступать, а 23-го Французы, на зло Русскимъ, которыхъ они называли варварами, взорвали Кремль, прекрасный историческій памятникъ, построенный въ стилѣ полу-итальянскомъ, полу-азіатскомъ. То было однимъ изъ тѣхъ ненужныхъ варварствъ, какія эти самозванные цари образованности совершали и въ Германіи надъ сотнями священныхъ памятниковъ. Кремль не былъ крѣпостью, не былъ построенъ для войны, но составлялъ словно особый, дивный городокъ среди большаго города. Отступление же Французовъ, благодаря зимѣ и казакамъ, ускорявшимъ ихъ движенія своими пиками, сдѣлалось ужасающимъ бѣгствомъ, такою гибелью людей и коней, какой не запомнятъ въ теченіи тысячелѣтій. Русскіе двинулись за ними на западъ. Императоръ собирался вскорѣ выѣхать изъ Петербурга, и г. Штейнъ долженъ былъ предшествовать ему въ Пруссіи. Онъ взялъ меня въ свою повозку, въ которой мы сидѣли, словно медвѣди, завернутые въ мѣха. Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ 5-го Января 1813 года, и на слѣдующій вечеръ были въ Псковѣ, городѣ нѣкогда свободномъ и богатомъ, какъ Новгородъ, теперь заглохшемъ и опустѣломъ. Тутъ мы услышали печальную вѣсть, что графъ Шазò при смерти боленъ нервною горячкою. Онъ переѣхалъ сюда по дѣламъ Нѣмецкаго легіона, ибо здѣсь былъ сборный пунктъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Эти-же послѣдніе принесли сюда съ собою лагерную горячку. Большинство несчастныхъ юношей, истощенные усиліями громаднаго похода, умирали какъ мухи въ Ноябрь, распространяя вокругъ себя заразу. Такъ заразился и мой благородный

Шазò. Мы видѣли его на смертномъ одрѣ. За нимъ ходилъ землякъ—полковникъ Тидеманнъ; онъ лежалъ въ бреду и насъ не узналъ. Свидѣться намъ не было суждено. Пока министръ и я проводили у него часокъ, наши слуги не досмотрѣли за нашими повозками, и многія вещи были украдены, между прочимъ большой чемоданъ, въ который я, при поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу, уложилъ бôльшую часть моихъ бумагъ и почти все мое бѣлье. Я лишился весьма важныхъ для меня бумагъ, коихъ я по памяти возстановить не могъ, и многихъ дорогихъ мнѣ подарковъ и воспоминаній отъ Петербургскихъ друзей и, по недостатку въ бѣльѣ, вдвойнѣ страдалъ въ Польшѣ отъ неизбѣжныхъ насѣкомыхъ. Шазò, любезный мой Шазò, храбрый и веселый герой, носился передъ моими мысленными взорами среди густой мятели; мой старикъ также былъ печаленъ, ибо онъ очень любилъ графа Шазò, созданнаго для того, что-бы быть любимымъ всѣми. Онъ унаслѣдовалъ мужественную красоту и силу своего отца, но притомъ былъ истымъ Нѣмцемъ и пылалъ ненавистью къ хвастливымъ побѣдителямъ. Въ Берлинѣ онъ убилъ на дуэли Французскаго коменданта, позволившаго себѣ неприличныя выраженія о его королѣ. Его отецъ, графъ Шазò де Флоранкуръ, родомъ Французъ, отличался красотой, исполинскою силою и остроуміемъ. Наслѣдный принцъ Фридрихъ Прусскій познакомился съ нимъ на Рейнѣ во время кампаніи 1735 года, а король Фридрихъ пригласилъ его къ себѣ на службу. Этотъ графъ-богатырь имѣлъ несчастіе на дуэли отрубить голову своему противнику (какъ при подобной встрѣчѣ подъ Ростоконъ поступилъ съ старшимъ сыномъ г-жи Сталь одинъ казацкій

офицеръ), а такъ какъ король выразился въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ имѣть у себя на службѣ офицеровъ, а не палачей, то графъ Шазо потребовалъ отставки, сдѣлался комендантомъ имперскаго города Любека, вступилъ въ бракъ съ графинею Шметтау и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей, которыхъ въ послѣдствіи охотно приняли на Прусскую службу. Такимъ образомъ нашъ покойный другъ былъ по крови Французъ, но по духу въ немъ ничего Французскаго не было.

Изъ Пскова мы поѣхали на Друю, тутъ чрезъ замерзшую Двину, а оттуда черезъ Видзы и Свенцяны на Вильну. Бѣдная, несчастная, малонаселенная мѣстность, лишь около Вильны становится плодороднѣе. Мы видѣли живую картину войны, мы даже двигались въ ней, погружались въ нее все глубже, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Вильнѣ. Множество разбитыхъ, растоптанныхъ, раскрытыхъ домовъ, безъ людей и животныхъ, даже ни единой кошки въ нихъ; запустѣлыя пожарища и обломки стѣнъ, худыя почтовые лошади, загнанныя до того, что мы у каждаго холмика должны были останавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть, а наши повозки были на полозьяхъ, и въ нихъ запрягали отъ шести до осьми лошадей. Ахъ! Было намъ время, на этомъ медленномъ пути по снѣжнымъ пустынямъ, размышлять объ ужасахъ, произведенныхъ этимъ неслыханнымъ походомъ. Что видѣли мы! О если-бы гордый завоеватель могъ плакать, какъ заставляеть онъ плакать матерей сотенъ тысячъ людей! На второй, третій и четвертый день нашего путешествія, намъ безпрестанно встрѣчались отдѣльныя толпы плѣнныхъ, которыхъ вели назадъ, на востокъ. Ка-

кое зрѣлище! Оборванные, обмерзлые, посинѣвшіе, они едва походили на людей. Передъ нашими глазами умирали они въ деревняхъ и на почтовыхъ станціяхъ. Больные одинъ на другомъ лежали въ саняхъ, покрытые соломой. Какъ только одинъ изъ нихъ умиралъ, его сбрасывали съ саней въ снѣгъ. На улицахъ трупы лежали, словно падалъ, непокрытые и непохороненные; ни одна человѣческая слеза не пролилась надъ ихъ предсмертною мукою. Нѣкоторые изъ нихъ представляли окровавленные члены, ибо и убитые были приставлены къ деревьямъ, какъ страшное предостереженіе. Они и павшія лошади обозначали дорогу къ Вильнѣ. И незнакомый съ этою дорогою не могъ-бы съ нея сбиться. Наши лошади часто ржали и становились на дыбы отъ труповъ, между и даже черезъ которыхъ имъ приходилось скакать. Но это былъ не только испугъ отъ труповъ, но онѣ чуяли волковъ, которыхъ мы тамъ и сямъ видѣли стаями отъ десяти до пятнадцати головъ, занятыхъ глода-ніемъ своей добычи, и которые вѣроятно прокрадывались въ немногихъ шагахъ отъ насъ.

11-го Января поздно вечеромъ мы въѣхали въ Вильну. Нашъ главный возокъ увязъ въ сугробѣ. Слуги наши пошли за людьми, что-бы помочь его вытащить; министръ пошелъ въ ближайшую гостинницу. Я остался въ возкѣ. Послѣ того какъ мы съ большимъ трудомъ и при моей личной помощи наконецъ вытащили его изъ снѣгу, на насъ вдругъ съ шумомъ налетѣли большія сани и вновь столкнули насъ въ тотъ-же сугробъ. Я разразился проклятіями, но вдругъ сѣдокъ тѣхъ саней, которыя зацѣпились за нашъ экипажъ, выскочилъ изъ нихъ и вцѣпился въ меня, и все это

окончилось смѣхомъ, ибо то былъ мой другъ, майоръ Фуль, только что пріѣхавшій изъ главной крартіры, чтобы забрать провіанта. Онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, помогъ намъ съ своими людьми тронуться съ мѣста, и мы вскорѣ догнали министра въ гостинницѣ Мюллера, на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ мы наконецъ, послѣ шести скучныхъ ночей, провели веселый вечеръ. Но, увы, о покоѣ нельзя было и думать. Въ первую ночь усталость взяла свое, но затѣмъ пошли и Польскія мученія, и Польская скука; ибо на второй день министръ оставилъ насъ за собою: мы должны были дожидаться саней съ поклажею изъ Петербурга, затѣмъ медленно потянулись вслѣдъ за нимъ на Гродну и вновь соединились съ нимъ недалеко отъ Польской границы.

И такъ о моихъ Польскихъ мученіяхъ. Я помѣщался въ великолѣпной залѣ, обтянутой шелкомъ, украшенной большими зеркалами и гравюрами Моргена съ Рафаэля. Свою постель я устроилъ на мягкомъ диванѣ; но, о неописанный ужасъ! Всѣ стѣны были покрыты отвратительными желтыми насѣкомыми. Впрочемъ, всего было вдоволь; даже со времени бѣгства Французовъ, не было недостатка въ хорошемъ винѣ, Венгерскомъ и Французскомъ.

На другой день послѣ обѣда, когда министръ уѣхалъ, я вышелъ осматривать городъ. Онъ показался мнѣ Татарскомъ адомъ. Повсюду ужасная грязь и вонь; испачканные Жиды кое гдѣ едва бродили по улицамъ; несчастные плѣнные по бо́льшой части раненные или полувыздоровѣвшіе; всѣ улицы были наполнены смраднымъ дымомъ, ибо почти передъ каждымъ домомъ были зажжены разные горячіе матеріалы, даже просто навозныя

кучи, для того чтобы разсѣять сразу отъ множества лазаретовъ, и эти кучи дымили день и ночь. На улицахъ валялись кое-гдѣ Французскія кокарды, испачканные плюмажи, разорванныя шляпы и раздавленные кивера, напоминая о гордынѣ тѣхъ, которые за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ щеголяли ими въ Вильнѣ. Я вышелъ изъ воротъ, и въ продолженіи двухъ страшныхъ часовъ бродилъ по предмѣстьямъ, Вилькомирскому и Ковенскому. Какіе ужасы! Всѣ слѣды разрушенія, видѣнные мною въ городѣ, попадались тутъ чаще и чаще, повсюду валялись совершенно нагіе трупы: дохлыя лошади, быки, собаки, вѣрные и несчастные спутники погибшихъ. Многие дома совершенно опустѣлые безъ половъ, оконъ и печей; отъ многихъ остались лишь пожарища; между этими страшными памятниками разоренія бродили, какъ тѣни, отдѣльные плѣнные и выздоравлиющіе, и кое-гдѣ у развалившейся стѣны несчастная брошенная лошадь, озяблая и сгорбленная, подбирающая клочки сѣна. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ порядочно одѣтаго юношу, къ которому я обратился съ какимъ-то вопросомъ; онъ оказался Брабантцемъ и старшимъ хирургомъ при лазаретѣ Французскихъ плѣнныхъ, помѣщавшемся въ монастырѣ. Я прошелъ съ нимъ до входа въ это жилище горя, увидѣлъ кладбище монастыря, все заваленное трупами, и вернулся. Онъ сказалъ мнѣ, что въ лазаретѣ изъ двухъ тысячъ человѣкъ умираетъ ежедневно отъ пятидесяти до осмидесяти. Это облегчить ему работу. Подходя къ городскимъ воротамъ, я встрѣтилъ пятьдесятъ-шестьдесятъ саней, всѣ заваленныя трупами, подобранными въ гошпиталяхъ и на площадяхъ. Ихъ вез-

ли, какъ везуть дрова; они окоченѣли и высохли отъ холода, какъ бревна, и доставили плохую пищу червямъ и рыбамъ (ибо многіе изъ нихъ бросались въ проруби). Всего отвратительнѣе для меня было то, что на кожѣ этихъ несчастныхъ виднѣлись слѣды выѣденные вшами, подобные слѣдамъ муравьевъ около муравейника. Ужасно было видѣть эти тѣла человѣческія, нѣкогда, при вступленіи въ жизнь, привѣтствованныя любовью и радостью, съ любовью возвращенныя и вскормленныя, затѣмъ во цвѣтѣ лѣтъ оторванныя отъ семьи и друзей дикимъ завоевателемъ, и теперь влекомыя, какъ падалъ, безъ всякаго вниманія, съ головами свѣсившимися до земли, съ ногами поднятыми къверху, безъ прикрытія даже того, что предписываютъ скрывать стыдливость и человѣчность.

13-го Января была ясная и неслишкомъ холодная погода; яркое солнце опять выманило меня на прогулку, и я вышелъ въ другіе ворота и пошелъ вдоль рѣчки Вилии, на которой расположенъ городъ. Передъ воротами множество разбитыхъ Французскихъ повозокъ и лафетовъ, заустѣлыя, ограбленные дома; у дороги шляпы, шапки, кокарды, трупы и павшія лошади. Трупы по большей части были убраны, но за большими камнями, подъ мостами и за кустами, ихъ было забыто немало, а волки повидимому уже принимались ихъ грызть. Меня поразила раненый плѣнный, блѣдный и согнутый, который хромя шелъ передо мною, и казалось только что вышелъ изъ лазарета или собирается въ него поступить: онъ остановился передъ однимъ изъ труповъ, разсматривалъ его, даже коснулся его палкою. Такъ человѣкъ наконецъ равнодушно и безучастно глядитъ въ лицо своей судьбѣ. Между тѣмъ

какъ плѣнный стоялъ у трупа своего товарища, а я смотрѣлъ на него, съ горы раздалось пѣніе и показался гробъ, сопровождаемый священникомъ и людьми въ траурѣ, по христіански несомый въ могилу. Подъ нами, по рѣкѣ, тянулись сани съ нагими трупами и всякою нечистотою. Я невольно забрелъ на дворъ большаго строенія, коего службы и комнаты съ остатками изящныхъ печей и обоевъ указывали, что его недавно занимали знатные жильцы. Все внутри было изодрано и разбито, многіе полы подожжены, повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниціи, шляпъ, шапокъ, плюмажей, наконецъ, въ отдаленной комнатѣ у камина, полуизжаренный трупъ. Несчастный, быть можетъ, поползъ къ теплу, какъ червяки къ свѣту, и тутъ и умеръ у огня.

Точно также у многихъ сторожевыхъ огней найдены трупы людей, которые, желая согрѣться, въ предсмертномъ полузабытьѣ, слишкомъ приблизились къ огню и сгорѣли. Меня объялъ ужасъ, словно я среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и я бѣжалъ изъ этихъ заустѣлыхъ залъ. Но самое ужасное зрѣлище видѣлъ я вечеромъ это дня. Я вышелъ изъ дому, для того что-бы посмотреть на толпу проходившихъ мимо Русскихъ ополченцевъ, а также на Польскихъ крестьянъ и Жидовъ. Вдругъ я услышалъ пѣніе, раздававшееся отъ Минскихъ воротъ, надъ которыми совершалось торжественное богослуженіе. Я нѣсколько минутъ прислушивался къ нему и, возвращаясь оттуда, забрелъ на кладбище, недалеко отъ воротъ. Я сперва увидѣлъ лишь церковь, за тѣмъ верхнія окна (или точнѣе оконницы безъ рамъ) строенія, расположеннаго вокругъ кладбища, похожаго на монастырь или келіи. Но,

подошедши ближе, что я увидѣлъ! Трупы, нагроможденные на трупы, въ иныхъ мѣстахъ такъ высоко, что они доходили до оконъ втораго этажа: тутъ конечно было труповъ тысяча; цѣлый вымершій гошпиталь. Во всемъ обширномъ строеніи ни одного цѣлаго окна, ни живой души—лишь у дверей собака, обнюхивающая стѣны. Къ счастью сильный морозъ сковывалъ зловонныя испаренія, которыя безъ того отняли бы возможность подойти къ этимъ жилищамъ ужаса. Подобныя груды труповъ могли образоваться также во Франціи и въ Германіи послѣ кровавыхъ битвъ, но нужны были Польская безурядица и такой годъ, какъ 1812-ый, для того, чтобы они въ такомъ безобразіи оставались выставленными напоказъ. Но могъ-ли я удивляться тому, что тутъ нагромождены эти груды труповъ? Не стояли-ли наши сани подъ навѣсомъ въ гостинницѣ Мюллера на трупѣ Француза, въ полной амуниціи, втоптанномъ въ навозъ и солому? Столь велико было общественное бѣдствіе, столь жестоки грязь и беспорядокъ.

Въ Вильнѣ такъ и кишѣло Жидами. Я долженъ былъ закупить нѣкоторыя мелочи, по случаю кражи, которой подвергся во Псковѣ, и былъ вынужденъ таскаться по ихъ лавкамъ. Я нашелъ, что они въ Литвѣ складомъ и лицомъ менѣе красивы, чѣмъ въ южной Польшѣ. Жидаы во время этой войны повсюду выказали преданность Россіи: они сердцемъ не отпали отъ нея какъ Поляки; ибо хваленая Польская свобода не доставляла имъ того обезпеченія собственности, коимъ пользуются они подъ Русскимъ скипетромъ. Повидимому, у нихъ было вѣрное политическое чутье, ибо они съ самаго начала отнеслись враждеб-

но къ Французамъ и, несмотря на денежные приманки, въ большинствѣ случаевъ не соглашались быть шпионами и измѣнниками. Въ Вильнѣ они даже, при вступленіи Русскихъ, храбро сражались противъ Французовъ и такъ усердно, съ воинственными криками, преслѣдовали ихъ, что нѣсколько сотенъ изъ нихъ убили и взяли въ плѣнъ. Добыча, которую они тутъ отняли у всемірныхъ грабителей, и золото, и товары, которые они намѣняли и скупили у казаковъ, какъ говорятъ, представляли огромную цѣнность.

14-го Января къ вечеру я выѣхалъ въ Минскіе ворота по дорогѣ въ Гродну. И здѣсь луна озаряла поле, покрытое трупами. Тутъ опять на протяженіи полумили лежали замерзлые и убитые кучами въ тридцать и въ пятьдесятъ человѣкъ: тамъ около каждой дохлой лошади лежало по два по три трупа. Вотъ наши сани скользнули по человѣческимъ костямъ. Тутъ же въ лѣсахъ я видѣлъ огромное количество волковъ. Это было пять недѣль послѣ занятія Вильны Русскими. Таково страшное воспоминаіе, вынесенное мною изъ Вильны.

Мѣстность между Вильною и Гродною показала мнѣ гораздо болѣе плодородною и лучше обработанною, чѣмъ мѣстность между Псковомъ и Вильною. И война оставила здѣсь слѣды не столь тяжкіе. Гродна хорошенькій городокъ. Я остался тамъ лишь нѣсколько часовъ и ночью доѣхалъ до главной квартиры Императора, гдѣ нашелъ своего начальника и богатырски выпался на двухъ стульяхъ, въ нетопленной крестьянской хатѣ.

17-го Января мы доѣхали до Прускаго городка Лыка.